

**Любовь КИ
(СУХАРЕВА)**

ПРОСЧЁТ

Мне не понять тех матерей,
Чьи дети плачут у дверей
Чужих домов.

Им поучиться б у зверей
Быть терпеливей и добрей,
Любить без слов.

Они украдкой по ночам,
Уподобляясь палачам,
Творят свой грех.

И я не верю их речам —
Даётся ноша по плечам
Всегда для всех.

Когда задумывал творец
Нас, как творения венец,
Там явно был просчёт:
Хватило не на всех сердец,
Душ не хватило наконец
И многого ещё...

К МОРЮ

Я больше не хочу никаких
историй,

Я хочу к морю,
Просто к морю.
Я больше не играю, давно не
спорю,

Мне надо к морю.
Ты слышишь? К морю.
И чтобы крики чаек, и всё
такое.

Хочу покоя,
Внутри покоя.
Хочу, чтоб тело млело в тени
от зноя,
А дух оставил мысли: зачем и
кто я.
Из звуков — лишь шуршащие
сны прибора.

Сдаюсь без боя,
Сдаюсь
Без
боу
я.

СНЕЖИНКИ

Позвольте человеку быть собой,
Не прятаться под маскою успеха.
Смотрите, как он светится от

смеха,
Когда в его душе царит покой.
Позвольте человеку быть

смешным,
Ему простите страхи и чудинки.
По сути, все мы Божии снежинки,
Столь филигранно созданные Им.
Как мы жестоки и строги порой
К тем, кто от нас отличен лишь
на вид.

Позвольте человеку быть собой —
Поверьте, он ещё вас удивит!

РИСУЮ

Я закрываю глаза — зима,
Я подставляю ладони — снег.
Так вот обычно сходят с ума —
Вечный холод и вечный бег.
Мой покой расклевали вороны,
Мои башни сорваны.
Я с ладоней кормлю шакалов,

Я устала.
В голове имена и даты —
Не об этом взахлёб когда-то.

Я брожу среди улиц блёклых
И рисую стихи на стёклах.

И МОРЕ...

Не надо бояться, мама,
Что я окажусь одна.
Мои заживают раны,
Не надо о них стенать.
Не надо бояться света,
Что я не гашу всю ночь.
Оставь мне мою планету
И просто прими. Как дочь.
И просто приди и слушай,
Пока я тебе молчу.
Пусть сядут в обнимку души,
Как сёстры — плечом к плечу.
Не надо бояться, слышишь —
Всё страшное позади.

И звёздами вечер вышит,
И море шумит в груди...

**Василий
МИРОНОВ**

* * *
Льва игрушечного грива
Истрепалась, хвост повис.
Смотрит царь зверей тоскливо
Из-за мусорных кулис.

Время содранных коленей
Отжурчало. В детской вдруг
Лучшим другом за мгновенье
Стал мальчишке ноутбук.

Лев скучал на пыльной полке,
Вспоминал ребячий гам,
И сбежал он втихомолку,
Шерсть роняя по следам.

Приотился на помойке,
Словно жизни лишний груз.
Смотрит грустно: «Вы со мной-то
Поиграйте, я сжужусь!»

* * *

Я не люблю семейных
фотографий
И собственные тоже не люблю.
Они напоминают мёртвый
кафель,
В котором жизнь приравнена к
нулю.

И прожитое, словно неживое,
Надгробьями уложено в альбом.
На снимках я навеки успокоен
И меж страниц альбома погребён.

Правдивый на мгновенье
фотослепок
Стареет в быстротечности минут.
Я изменился, а в альбомном
склепе
Меня юнцом и правнуки найдут.

Я жив и счастлив! Где
фотограф, где же?!
Спешите меня таким запечатлеть!
Но звук затвора снова безугодно,
Как выстрел, обратит живое в
смерть.

* * *

Небесный кочегар изжарил
город,
Но от жары испёкся даже он.
Померкло солнце, туч ползучих
ворох
Укрыл вдруг раскалённый
небосклон.

Ударил гром — загрохотали
бубны
И молния разлапистость антенн
Хлестнула с треском. Капли
смачно, трудно
Упали, словно в пекло падать
лень.

Вскипел асфальт — дождь
пузырился с жаром,
Хлебал в три горла жадно
водосток.

А крыши хохотали с кочегаром
Над теми, кто пустился наутёк.

Ирина
ЛАВРИНА

* * *

В безликом промозглом городе Н.
Ты пишешь ей письма и ждёшь
перемен...

Остыл чёрный кофе. За окнами
мрак.
Ты снова онлайн... что-то
пишешь... простака...

Послания тают, как лёд
жарким днём,
Ты гредишь о том, как
мечталось вдвоём.
Ты рад бы с привычной дороги
уйти...
Но так опрометчивы смены пути.

Привычнее в призрачном
городе Н.
Онлайн её видеть и ждать
перемен,
Писать до утра... И пусть ей всё
равно
В далёком заснеженном городе О.

* * *

Я пишу. Весенняя прохлада
Заклчила в плен своих оков.
Мой клубок из мыслей, чувств
и слов

Расплести давно уже бы надо.
В этих строчках — вся моя душа,
Её голос. Сердца тихий трепет,
Губ моих ещё наивный лепет...
Я прошу читать их не спеша.

* * *

Есть вспышка в угасании костра,
Есть красота во мраке тёмной
ночи,
Есть искра в каждом «завтра»
и «вчера».
Быть может, что-то есть и в
этих строчках.

И даже в льдинке — капелька
тепла,
И даже в крике — тихое шептанье.
Есть правда в той мечте, что нас
влекла,
Намёк на встречу — в каждом
расставанье.

И утренний рассвет не скроет мгла,
И в тишине есть лёгкий листьев
шелест.
Сквозь зимний плен
прозрачного стекла
Я вижу бури ласковую прелесть.

**Анастасия
УЗДЯЕВА**

* * *

Песня перестанет быть стихами —
Я тебя любить не перестану.
Разбросав мечты свои словами,
Ждать тебя готова неустанно,
Посвящать тебе свои молитвы,
Никогда не забывая о боли.
Нет на свете тяжелее битвы —
Той, что называется любовью.

так выходит

так выходит, что кто-то
становится дорог —
без причин, запятых, мелочей,
недомолвок.

он придёт и потреплет тебя по
плечу:
«без тебя не смогу, без тебя не
хочу».

так выходит, что кто-то
становится близок —
без условностей, правил,
попыток, приписок,
и неважно, когда и зачем он
пришёл —
ведь остался, и это уже хорошо.

так выходит, что кто-то
становится важен —
без вранья, пересудов, придумок,
бумажек.
в мире вздора, хлопот, суеты
так выходит, что для меня этот
кто-то — ты.

как зовут её

Я что звоню-то —
Ты скажи, как зовут её,
И какие она выкидывает номера,
Чтобы ты от неё не удрал?
Почему её лодыжки тебе милей?
Как твой голос сливается в гул
от её дыхания,
И какие шепчешь ты ей
признанья,
Провожая босой по утрам у
дверей?
Как ты расползаешься по ней,
словно сажа?
Что ты мне, без сомненья,
ничем не обязан,
Покрутив пару раз у виска,
И как жрёт тебя без неё тоска.

**Александр
АБРАМОВ**

ПАПА

Скажи мне, папа, где ты есть?
Когда ты будешь рядом?
За что же эта Божья месть
досталась мне в награду?

А может, вовсе и не месть,
а просто испытание?
Узнав в пять лет такую весть,
найти бы оправдание.

Ну что за жалкий промысел
с детьми — как в лотерее:
без мамы иль без папы ты?
Без выбора, скорее.

Нет-нет, вы не подумайте —
не жалею сейчас.
Оно, наверно, к лучшему,
что Бог от папы спас.

А сколько же подобных
спасённых сыновей
рвут головы раздумьями
про мысли матерей?

О том, что мамы милые,
увы, не спят ночами,
мы лица их унылые
порой не замечаем.

И только верить хочется,
что папа будет рядом.

«Не в радость одиночество!» —
кричу бессловно, взглядом.

Скажу, может, это стон лишь:
«Привет. Я твой сын. Как дела?
Ты маму вообще-то помнишь?
А мне уже двадцать два».

На этом, пожалуй, закончился б
наш с отцом разговор.
Не знаю, насколько правдивым
окажется этот вздор.

И есть вообще-то смысл
встретаться с ним тет-а-тет?
Сердце шепчет: «Конечно»,
а разум твердит, что нет.

Поэтому точно не властен
над ходом судьбы своей,
тревогой она украсит
обыденность серых дней.

И в миг предельного бедствия
созреет во мне ответ:
«Плывать я хотел на последствия,
Пойду покупать билет».

**Ирина
КИСЕЛЁВА**

ЛЮБИМОЙ И НЕНАВИСТНОЙ «ДРУГОЙ СРЕДЕ»

I

Скорей! Ослаблена удавка! В стаю
крылатых тварей неземных!

До полнолуния осталась
бесчисленных мгновений малость,
но невозможно улизнуть от них.
Раскрыв глаза и крылья
расправляя,
хватая воздух воспалённым зобом,
стремишься за пределы рамы,
за окно,
с трудом удерживая крик, и
в незнакомом
месте держишься едва.
Принадлежат полёту оба
ободранных, потасканных крыла.

II

Скорее! Прочь из рамок! Ну же...
Но новые вы строите границы.
И восприятие шире,
Восприятие уже...
Какой породы вы, подружки-птицы?
Какой летун для ВАШИХ рамок
нужен?
Вы птицы дивны, птицы чудно
горды.
Но крыльев нет у гордых птиц.
И в подтверждение вашему
позору
Я слышу шелест тоненьких
страниц.
Красивая идея стала ложью,
А сокол обернулся вдруг
павлином.
Вот только в дружной стае куриц
и пингвинов
Услышать пение прекрасное так
сложно!

III

А ты? Чего же хочешь ты,
Мой разноглазый сокол?
Показывать свой хвост? Красиво
шаркать лапкой?

Без этого тебя ведь не услышат.
Что делать, если петь ты не
умеешь громко?
И кто из нас на самом деле
жалкий?..

Я — кит, и я ныряю глубоко,
И слов моих вам ни за что не
разобрать.
На дне так тихо, сыро и темно.
Но победите всё же вы
желавшего летать!
Скорей! Ослаблена удавка! В стаю
Крылатых тварей неземных...

ОСКОЛОК В СЕРДЦЕ КАЯ

Заболела внезапно в мае
безнадёжно, неизлечимо.
И причину я понимаю —
очень хочется быть любимой.
Потому не ищу лекарства
и от жара внутри сгораю.
Обещала судьба полцарства
за осколок из сердца Кая...
Потому я, ломая ногти,
на скалу надежды взбираюсь.
Сбив до крови босые ноги
и стегая злодейку-жалость,
всё бреду. Небо близко-близко —
я рукою его касаюсь.
Ветер холоден и неистов,
но до цели осталась малость.
И сгорает дотла, и пышет
сердце бедное на ладони.
Дождь горячий стучит по крышам,
ночь мятежная грозно стонет.
Но дойду, донесу до Кая
свет души моей в полной мере.
И осколок внутри растает,
если оба мы в это верим.